

ПЛОСКОСТЬ — термин естественно-научной традиции, используемый в современной философии (Хайдеггер, Делез, Деррида и др.) в контексте конституирования философской парадигмы многомерности структур бытия и человеческого мышления и задания (выставления) рамки знания, позволяющей использовать ряд сопряженных словоформ, ангажированных в середине — второй половине 20 ст. в качестве философских понятий (поверхность, глубина и т.д.).

В историко-философском плане осознание и фиксация потребности выработки и введения философских подходов, характеризующих многомерную топологию мироздания, традиционно связывают с творчеством Ницше.

Осмысливая метафору платонизма о том, что истинный философ суть путник, покинувший пещеру и восходящий «высь», Ницше отметил наличие общефилософской проблемы ориентации мысли, — проблемы того, что мысль предполагает «оси» и «направления», по которым она развивается, что у нее есть «география» еще до того, как появится «история», и что она намечает потенциальные «измерения» систем до их конституирования. Согласно Ницше, ориентация на «высоту» (трактовка философствования как «восхождения» и «преображения») скорее всего свидетельствует о вырождении и тупиковых заблуждениях философии.

Собственным идеалом Ницше являлось досократическое постижение «потаянных глубин» Бытия, «поверхность» которого также необходимо обсуждать исключительно с точки зрения «взгляда из глубины». (Ср.: «идея» у Платона «парит или гибнет».)

По версии Делеза, теми «мыслителями-греками», столь, по Ницше, «основательными в силу своей поверхностности», являлись представители школ киников и стоиков, задавшие принципиально новый философский дискурс, в котором более не было ни «глубины», ни «высоты». Ими было осуществлено топологическое «низвержение» платоновских «идей»: бестелесное отныне пребывало не в вышине, а на поверхности; оно выступало уже не как «верховная» причина, а лишь как поверхностный эффект; не как сущность, а как событие.

В «глубине» же тел, согласно, например, киникам, все является

"смесями", из которых (по Диогену Синопскому) "ни одна не лучше другой". Согласно Делезу, "...поверхность, занавес, ковер, мантия — вот где обосновались и чем окружили себя киники и стоики. Двойной смысл поверхности, неразрывность изнанки и лицевой стороны сменяют высоту и глубину...". Выйдя за рамки обыденных представлений о мерности бытия, стоики отказались от идеи трех последовательных измерений (координат) мира, предложив вместо этого "два одновременных прочтения времени".

Тем самым состоялся философский прецедент отказа от "очевидностей" житейского опыта в пользу абсолютно умозрительных и перспективных моделей устройства космоса. Согласно идеям стоицизма, реконструированным Делезом в стилистике философии 20 ст., для тел и "положений вещей" есть только одно время — настоящее. Ибо живое настоящее — это временная протяженность, сопровождающая, выражающая и измеряющая конкретное действие того, что действует, и конкретное страдание того, что страдает. И в той мере, в какой существует единство самих тел, единство активных и пассивных начал, космическое настоящее охватывает весь универсум: только тела существуют в пространстве и только настоящее существует во времени.

Все тела — причины друг друга и друг для друга, но причины чего? Они — причины вещей совершенно особой природы или "эффектов".

Собственно говоря, они "бестелесны". Они не обладают ни физическими качествами, ни свойствами, а, скорее, логическими и диалектическими атрибутами. Собственно, это — не вещи или "положения вещей", а события. Нельзя сказать, что "эффекты" существуют.

Скорее, они суть нечто такое, что в чем-то содержится или чему-то присуще, обладая тем минимумом бытия, которого достаточно, чтобы быть не-вещью, не существующей сущностью. Для стоиков, с точки зрения Делеза, "положения вещей", "количество" и "качество" — такие же сущие (или тела), как и субстанция. Они — часть субстанции и на этом основании противостоят сверх-бытию, учреждающему бестелесное как несуществующую сущность.

Таким образом, высшим понятием выступает не Бытие, а Нечто, поскольку оно принадлежит бытию и небытию, существованию и присущности... Если тела с их состояниями, количествами и качествами принимают все характеристики субстанции, то характеристики идеи, напротив, относятся к иному плану, а именно, к бесстрастному сверх-бытию — стерильному, бездействующему, находящемуся на поверхности вещей: идеальное и бестелесное теперь может быть только "эффектом".

По Э.Брейе, «когда скальпель рассекает плоть, одно тело сообщает другому не новое свойство, а новый атрибут — «быть порезанным». Этот атрибут не означает какого-либо реального качества... наоборот, он всегда выражен глаголом, подразумевающим не бытие, а способ бытия... Такой способ бытия находится где-то на грани, на поверхности того бытия, чья природа не способна к изменению.

Фактически, этот способ не является чем-то активным или пассивным, ибо пассивность предполагала бы некую телесную природу, подвергающуюся воздействию. Это — чистый и простой результат, или эффект, которому нельзя придать какой-либо статус среди того, что он обладает бытием... Стойки радикально разводили два среза бытия, чего до них еще никто не делал: с одной стороны, реальное и действенное бытие, сила; с другой, срез фактов, резвящихся на поверхности бытия, и образующих бесконечное множество бестелесных сущих».

Ориентируясь на преодоление «одномерного» понимания мира, Хайдеггер предлагал обратить особое внимание на параметр «глубины» (не рассматривая его, впрочем, как единственный принцип, «простраивающий» модель мира): согласно Хайдеггеру, силы «раскалывания» производят постоянное «раскрытие» глубины, неизбежно сталкиваясь с «затворяющей» силой. Результатом выступает итоговое оформление пространства мира, формирование поверхности — единственного, по мнению Хайдеггера, «действительного места» мира — места осуществления действия сил «раскалывания». У Хайдеггера «глубина» сама по себе еще не может полагаться принадлежащей к ряду «мироопределяющих величин», для него ведущую роль исполнял параметр «отношения глубины и П.», порядок их соотносимости.

В философском творчестве Дерриды значима акцентированная демонстрация ограниченности самой бинарной оппозиции «П. — глубина»: по Дерриде, миру нередко бывает присущ процесс «соскальзывания» П. в «глубину» и «вынесения» «глубины» на «отмель» П. На самом разнообразном историко-культурном материале (проблематика истинности, феминизма, судеб Европы и т.д.)

Деррида не только иллюстрирует топологическую динамику «глубины» и «поверхности», но и вводит понятие «бездна» как допущение возможности полного их «оборачивания». Элиминируя границу между «П.» и «глубиной» и усматривая в данной процедуре деконструкции очередной акт ниспровержения онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризма (см.), Деррида постулировал принципиальное равноправие всех направлений и связей мира.

Аналогичным образом Делез настаивал на необходимости исключения из любой топологии мира — измерения «дополнительного», измерения «иерархического», измерения, производимого идеологией и порождающей репрессивный метаязык.

Согласно Делезу, иерархическое, властное отношение как противостоящее множеству иных связей мира, всегда должно отрицательно оцениваться: будучи же «вычтено» из неизбежной иерархии измерений, оно высвобождает чистую П. — «пространство принципиально равноправных событий». П. у Делеза — это место, где и располагаются события «сами по себе», не имеющие внешнего измерения; это — пространство, лишенное глубины и высоты, содержащее измерение «события», чистый поверхностный эффект которого совпадает с П. Согласно Делезу, «...бестелесные события играют на поверхности тел (вещей) подобно туману (или даже не туману, ибо туман — все-таки тело). Тела и их глубина существуют как смешение... Одно тело вытекает из другого как жидкость из вазы.

Смешения тел целиком задают количественное и качественное положение вещей — красноту железа, зеленость дерева. Но то, что мы подразумеваем под глаголами «расти», «краснеть», «резать», «порезаться» и т.д. — нечто совсем другое. Это уже не положения вещей, не тела, перемешанные во внутренней глубине. Это бестелесные события на поверхности — результаты смешения тел. Дерево зеленеет...

О характере любой философии свидетельствует, прежде всего, присущий ей особый способ расчленения сущего и понятия. Анализируя алгоритмы и реальное философское значение парадоксов стоицизма, в существенной степени обусловивших генезис языковых игр, Делез подчеркивал, что событие соразмерно становлению, а становление соразмерно языку; парадокс же — это серия вопросительных предложений, которые, подчиняясь логике становления, продолжают чередой последовательных добавлений и сокращений. Все, по Делезу, происходит на границе между вещами и предложениями. В парадоксе — непосредственное обнаруживается в языке. (Ср. у Хрисиппастоика: «...то, что ты говоришь, проходит через твой рот.

Ты говоришь «телега». Стало быть, телега проходит через твой рот».) Парадокс у Делеза — это освобождение глубины, выведение события на поверхность и развертывание языка вдоль этого предела.

Юмор же — искусство самой поверхности, противопоставленное старой иронии — искусству «глубины» и «высоты». Юмор, по мнению Делеза, лучше всего проявился в англо-американской литературе «нонсенса». Так, Кэрролл в

сказках об Алисе (в интерпретации Делеза) исследует различия между событиями, вещами и «положениями вещей» (осуществляя беспрестанный поиск разгадки тайны событий и тайны имманентного им неограниченного становления): под землей животные уступают первенство карточным фигурам, «не обладающим толщиной»; «Глубина», развернувшись, становится у Кэрролла «шириной».

События же — подобно кристаллам — становятся и растут только от границ и на границах. Необходимо скользить на всем протяжении так, чтобы прежняя «глубина» вообще исчезла и свелась к противоположному смыслу-направлению поверхности.

Любая возможная наука, утверждает Делез, продвигается лишь вдоль занавеса, вдоль границы. Именно следуя последней, огибая поверхность, мы переходим от тел к бестелесному. (Ср. у М

.Турнье: «Странное, однако, предубеждение — оно слепо соотносит глубину с поверхностью, согласно чему «поверхностное» — это не нечто «больших размеров», а просто «неглубокое», тогда как «глубокое», напротив, обозначает нечто «большой глубины», но не «малой поверхности». И, однако, такое чувство, как любовь, на мой взгляд, гораздо лучше измерять ее широтой, нежели глубиной») Такое понимание топологии мира, по версии Делеза, отнюдь не ограничивается понятийным постижением оснований бытия: как события не занимают поверхность, а лишь возникают на ней, так и поверхностная энергия не локализуется на поверхности, а лишь участвует в ее формировании и переформировании. Согласно Ж.Симондону (Индивид и физико-биологический генезис.

Париж, 1964): «Живое живет на пределе самого себя, на собственном пределе... Характерные для жизни полярности существуют на уровне мембраны... Все содержание внутреннего пространства находится в топологическом контакте с содержанием внешнего пространства на пределах живого; фактически в топологии не существует дистанции; вся масса живой материи, содержащаяся во внутреннем пространстве, активно наличествует во внешнем мире на пределе живого... Принадлежать внутреннему значит не только быть внутри, но и быть на внутренней стороне предела...». Являя собой результат всевозрастающего усиления интереса философии к топологическим структурам бытия, а также выступая отражением процесса значимого увеличения числа понятий, характеризующих последние, понятие «П.» легитимирует поворот в понимании иерархии существенных принципов видения мира, построения его моделей, а также принципов организации знания и

ПЛОСКОСТЬ

Автор: словарь
23.03.2009 08:47 -

познания.

(В метафорической форме проблему «плоскостности» применительно к массовым поведенческим стереотипам России обозначал еще Е.Н.Трубецкой: «Равнинный, степной характер нашей страны наложил свою печать на нашу историю. В природе нашей равнины есть какая-то ненависть ко всему, что перерастает плоскость, ко всему, что слишком возвышается над окружающим. Эта ненависть составляет злой рок нашей жизни. Она периодически сравнивала с землей все то, что над нею выросло».)

А.А. Грицанов